

Когда Дуань Лин готовился ко сну, он снова открыл письмо, чтобы просмотреть его содержимое. Но тут У Ду забрал его, сложил и убрал обратно в шкатулку.

Дуань Лин понимал, что У Ду не хотел, чтобы он тосковал при виде вещей, напоминающих об отце, однако он уже постепенно свикся с его отсутствием. Как говорил Ли Цзяньхун при жизни, некоторые люди обречены быть лишь мимолетными путниками — встречаешь их с радостью, а расстаешься с ними спокойно. Ведь, как говорится, в жизни нашей редки были встречи, мы как Шан и Шэн в кругу созвездий.

Прошло уже много времени с тех пор, как ему снился отец. Когда же эти сны прекратились?

Казалось, они прекратились после отъезда из Тунгуань: после возвращения в Цзянчжоу, в ночь, проведенную с У Ду в Зале Белого Тигра, в ночь перед имперскими экзаменами, в день, когда его нарекли Таньхуа, когда он покинул Цзянчжоу и отправился на север, в Хэбэй, чтобы стать его губернатором, в день, когда они с дядей признали друг друга семьей, когда он поехал в Хуайин и встретился с тетей...

Казалось, с какого-то странного момента отец больше никогда не появлялся в его снах.

Когда же это произошло? Подумав, Дуань Лин наконец вспомнил — возможно, в тот день в кленовом лесу, когда он открыл У Ду правду под небом, полным трепещущих красных листьев.

Он повернулся и взглянул на У Ду. Тот лежал на боку, беспокойно глядя на него, его брови красиво сошлись на привлекательном лице, а крепкие руки держали Дуань Лина в объятиях.

Их лица находились очень близко друг к другу; У Ду редко утешал его в такие моменты, а лишь молча составлял компанию.

Дуань Лин наклонился и легонько поцеловал У Ду в губы.

— Ты вырос, — изучал Дуань Лина У Ду. Он говорил ему это много раз, но каждый раз вкладывал в эти слова разный смысл.

Он обнял У Ду и положил руку ему на грудь.

— Здесь нет второй нефритовой дуги, — сказал У Ду.

— Неужели ты собираешься ревновать меня даже к моему дяде? — смеясь, ответил Дуань Лин, думая о том, что когда-нибудь она там появится.

И тут ему показалось, что он начал осознавать ту ответственность, которую отец когда-то возложил на У Ду.

Он всегда был рядом. Он никогда не уходил.

Дуань Лин закрыл глаза, их дыхание смешалось, но в этот момент раздался едва уловимый звук — как будто кошка только что ступила на припорошенную снегом черепицу.

У Ду мгновенно встал, не дав Дуань Лину заговорить, вскочил с кушетки, поставил босую ногу на стол и, крутанувшись, пинком поднял его в воздух!

С грохотом столешница врезалась в дверь, пробивая ее насквозь, и вылетела наружу!

Убийца! Дуань Лин понял это только тогда. Сняв со стены длинный лук и достав из колчана стрелу, он наложил ее на тетиву и выпустил. Убийца снаружи ударил ладонью по столу, летящему на него, и тот, вращаясь, полетел обратно в комнату. У Ду дважды врезал по нему ногой и схватился за рукоять Легуанцзяня, лежащего перед кроватью.

Одновременно с тем, как стол разлетелся на куски, Легуанцзянь вылетел из ножен!

В ночи на его клинке мелькнула дуга света, а вслед за ним замерцало оружие его противника, и их свет перекрестился.

— Чан Люцзюнь! — яростно прокричал Дуань Лин.

Затем Дуань Лин выпустил стрелу в ромбовидное окно над дверью и с треском пробил его!

Человек снаружи был одет во все черное, на его лице была маска, и он был очень высок. Кроме Чан Люцзюня, кто еще мог продержаться в рукопашном бою против У Ду, да еще несколько стычек?!

У Ду с громовым криком, используя инерцию поворота, обрушил на противника мощный удар мечом!

Но Чан Люцзюнь не ответил, а сделал шаг назад, одновременно вытягивая обе руки в стороны и бросая Байхунцзянь на пол.

У Ду едва успел остановить меч, когда тот достиг Чан Люцзюня; острое клинка прошлось по его груди, рассекая черный костюм от левого плеча до правой стороны ребер и обнажая грудь и живот.

Чан Люцзюнь стоял, раскинув ладони, показывая, что он теперь безоружен. У Ду, одетый в однослойный халат и стоящий на босу ногу, в обеих руках держал меч, и, когда поднялся ветер, снежинки закружились в воздухе, танцуя на его длинных волосах.

— Чего ты хочешь? — тихо произнес У Ду.

При взгляде на силуэт У Ду у Дуань Лину причудилось, что перед ним возникла могущественная статуя Белого Тигра, преисполненного силой.

Чан Люцзюнь расслабился, его колени подкосились, пока не уперлись в пол, и все силы покинули его.

— Учитель, помогите мне, — дрожащим голосом произнес Чан Люцзюнь.

Дуань Лин пребывал в глубочайшем потрясении и развернулся к У Ду, не понимая, как поступить.

***

Шел четвертый час ночной стражи, было уже далеко за полночь. Чан Люцзюнь развязал ткань, служащую ему маской, и открыл лицо, настолько изможденное, что его едва можно было узнать. Его щеки исхудали, подбородок был покрыт слоем длинной щетины, одежда была потрепана, а татуировка на лице была почти полностью скрыта отросшими бакенбардами.

Он проглотил лепешку и запил ее чаем, а затем, вытерев рот, вздохнул.

— Если ты знал, что этот день наступит, зачем тогда вообще это делал? — произнес Дуань Лин.

Взгляд Дуань Лина перешел с лица Чан Люцзюня на чашку с чаем, а затем на У Ду. Тот кивнул, дав понять, что ему не стоит беспокоиться.

— Я съел то, что должен был, — беспомощно сказал Чан Люцзюнь. — Теперь вы можете меня выслушать?

Зная, насколько осторожен У Ду, он наверняка уже отравил чай и лепешки Чан Люцзюня. Может, он и не заставит его истечь кровью из всех отверстий и умереть от потери крови в случае оплошности, но, по крайней мере, на некоторое время лишит возможности использовать боевые искусства.

— Говори, что хотел, — сказал Дуань Лин. — Но я не забыл, что ты тоже собирался убить меня у подножия горы Динцзюнь.

Чан Люцзюнь пояснил:

— Я собирался лишь столкнуть вас в воду. Я бы позже вас спас.

— Чушь! — резко ответил Дуань Лин.

— Клянусь богом созвездия Белого Тигра! — Чан Люцзюнь поднял три пальца, сцепленных вместе. — Если я лгу вам, пусть небеса меня покарают. Канцлер Му велел мне не причинить вам вреда по неосторожности.

— Тогда ты собирался схватить меня и отвезти обратно в Цзянчжоу? — спросил Дуань Лин. Он все еще не был уверен, знал ли Чан Люцзюнь, кто он на самом деле, но смутно догадывался, что, как только Му Куанда узнает о приезде Ли Яньцю в Хэбэй, Дуань Лин уже не сможет притворяться, что не имеет к этому никакого отношения.

— Я и не собирался! Канцлер Му беспокоился только о том, что Чжэн Янь узнает, что вы делали вместе с Чан Пином в Жунани, и все это обернется против вас.

— Тогда почему ты пытался убить У Ду? — тихо произнес Дуань Лин.

В тот миг в Дуань Лине ощущалась непререкаемая властность. Опыт сотен схваток на грани жизни и смерти подсказывал Чан Люцзюню: сейчас решается его судьба. От ответа на этот вопрос напрямую зависело, какое решение примет Дуань Лин.

— У меня не было другого выбора. Или вы, или клан Му. Если бы вы были на моем месте, вы бы поступили так же.

Чан Люцзюнь посмотрел на У Ду, но тот не выглядел ни счастливым, ни сердитым. Он просто отпил глоток чая.

— Я лично ничего не имею против У Ду, — добавил Чан Люцзюнь. — Я просто исполнял приказ убивать. Иногда я не хочу этого делать, но у меня нет другого выбора.

У Ду ответил:

— Чан Люцзюнь, если бы в тот день не прибыл покойный император, боюсь, мы с тобой не сидели бы сейчас здесь.

Чан Люцзюнь вдруг вспомнил, что в день смерти Чжао Куя ему тоже был дан приказ убить У Ду. Он дважды совершал на него покушение и оба раза потерпел неудачу.

— В Зале Белого Тигра есть неписаное правило, — произнес У Ду. — Если ты, будучи одним из четырех великих убийц, не смог убить кого-то с первого раза, то должен признать поражение — если только между вами нет кровной мести.

Неужели? Дуань Лин впервые слышал об этом.

Чан Люцзюнь ничего не ответил. У Ду продолжил:

— А теперь мы наконец-то можем обсудить кое-что из того, что произошло тогда.

Он поставил чашку и заглянул Чан Люцзюню в глаза.

— Твоя жизнь мне неинтересна. Если твои ответы будут неполными или лживыми, найдётся тот, кто заберёт её — мне даже не придётся пачкать руки.

Дуань Лин поднялся.

— Я не буду вам мешать.

— Оставайся, — сказал У Ду.

Дуань Лин знал, что, даже если он не будет слушать их разговор, то обязательно расспросит о нем У Ду. Он хотел уйти лишь, чтобы не смущать Чан Люцзюня. Но раз У Ду так сказал, Дуань Лин принял решение не церемониться, оставшись в качестве равного участника беседы.

— Что за задание дала тебе госпожа Гунсунь? — спросил У Ду.

— Изгнать иноземных варваров, защитить обладателя Чжэньшаньхэ, — вздохнул Чан Люцзюнь.
— После катастрофы в Шанцзы, когда центральная равнина была опозорена, четыре великих убийцы Белого Тигра вновь вышли из тени. Разве не ради этого мы все это делали?

— Тогда зачем ты примкнул к Му Куанде? — спросил У Ду.

— А зачем ты последовал за Чжао Куем? — перевел вопрос на него Чан Люцзюнь.

— Это я задаю вопросы, а не ты, — холодно бросил У Ду.

— Выбор. Госпожа Гунсунь выбрала Чжао Куя, я — канцлера Му, а странствующий мечник Чжао Цзысюань — Яо Фу, взяв в ученики Чжэн Яня. Только Улохоу Му, по воле судьбы, каким-то образом выбрал подходящего человека.

Дуань Лин только сейчас узнал, что в этой истории крылось нечто большее, и перед его мысленным взором возникла фигура учительницы Чан Люцзюня. Кто знает, может, она была красивой женщиной, которая постоянно ходила с вуалью на лице.

— Что значит «выбор»? — спросил Дуань Лин.

— Когда разгорается война, — ответил Чан Люцзюнь, — учение предков из Зала Белого Тигра предписывает его ученикам вернуться в общество и найти подходящего человека. Затем мы должны помочь этому человеку восстановить мир и стать его новым правителем.

Дуань Лин уловил некоторую проблему — но разве Зал Белого Тигра и семья Ли не должны быть на равных? У Ду как-то сказал ему, что задача Зала Белого Тигра — защищать империю клана Ли. Неужели У Ду солгал ему?

Дуань Лин взглянул на У Ду, и тот тихо произнес:

— Мы должны следовать указаниям владельца Чжэньшаньхэ. Все эти годы он должен был находиться в руках императорского двора.

— Но ни один человек не захотел следовать за Чжэньшаньхэ, — вздохнул Чан Люцзюнь. — Каждый хотел заполучить меч себе. В этом-то и была проблема.

Чан Люцзюнь еще не знал, кто такой Дуань Лин, поэтому объяснил ему.

— Твой учитель и его жена наверняка говорили тебе то же самое. В империи Чэнь уже давно царил коррупция, а после раздора в правление императора Сяо между ним и Залом Белого Тигра возникла вражда. Когда школа меча Юйлинь схлестнулась с Залом Белого Тигра, император Сяо сидел сложа руки, поэтому, естественно, четыре школы Зала Белого Тигра перестали поддерживать семью Ли.

— Но покойный император убил Наянь То, — сказал У Ду. — Рассек старые узлы вражды.

— У меня были сомнения на его счет, — произнес Чан Люцзюнь. — А кто из нас не сомневался? Кроме Чжэн Яня, кто бы последовал за ним добровольно? Может, Чжэн Янь и хотел последовать за семьей Ли, но Яо Фу нет. Кто знает, чего он добивался. Возьмем к примеру Улохоу Му...

Дуань Лину казалось, что он понял. Зал Белого Тигра все эти годы существовал в уединении, оставив территории центральной равнины под управлением Ли. Возможно, произошло что-то, из-за чего они перестали поддерживать друг с другом связь. И только во время вторжения императора Ляо на юг Зал Белого Тигра отправил своих убийц, чтобы каждый нашел человека, достойного их помощи.

Этот кандидат должен был стать новым правителем и положить конец эпохе войн.

Он вспомнил, что Чжэн Янь как-то упоминал, что учитель Лан Цзюнься был высокопоставленным военным офицером на границе. Он вдруг понял, почему его отец доверял Лан Цзюнься. Трижды предав отца и выступив против него, Лан Цзюнься не просто бросил вызов врагу, а бросил вызов власти Чжэньшаньхэ.

В конце концов отец силой подчинил себе Лан Цзюнься, лишив возможности сопротивляться. Зная своего отца, он вполне мог поверить в то, что Лан Цзюнься не отвернется от него. Ведь тот в итоге выбрал клан Ли, хотя и не хотел этого, так же как У Ду выбрал Чжао Куя, а Чан Люцзюнь — Му Куанду.

— Нет нужды вспоминать о нем, — сказал У Ду. — Пока Му Куанда не умрет, ты не сможешь выбрать другого хозяина.

Чан Люцзюнь тяжело вздохнул:

— Моя учительница уже умерла.

— Мой учитель тоже умер. Зала Белого Тигра больше нет. Он существует только на словах. Наше учение передавалось веками, но мы, четверо беглецов, — все, что осталось. Сегодня мы живы, но завтра можем умереть. И через сто лет будет ли существовать Зал, будут ли эти четыре меча почитаться в каком-нибудь храме или будут выброшены в глуши — кого это вообще будет волновать?

Чан Люцзюнь вздрогнул. Даже Дуань Лин не мог не удивиться сказанному У Ду.

У Ду поднялся на ноги. Его волосы свободно ниспадали на плечи, а глаза сияли подобно звездам в ночном небе. Он пристально посмотрел на Чан Люцзюнь и добавил:

— Но задумывался ли ты когда-нибудь о том, каких принципов госпожа Гунсунь пыталась придерживаться всю свою жизнь?

Чан Люцзюнь все еще дрожал, и на мгновение у него не нашлось ответа.

Дуань Лин понял, что с сегодняшнего дня У Ду, возможно, окончательно стал главой Зала Белого Тигра. Даже вечно гордый и высокомерный Чан Люцзюнь больше не мог ему возразить.

— Когда ты унаследовал Байхунцзянь, то стал учеником Зала Белого Тигра. Если ты не хочешь продолжать этот путь, отдай свой меч. Я заберу его от имени нашей родовой школы и верну тебе свободу. Отниму у тебя способность использовать боевые искусства, лишу титула, и отныне ты будешь волен идти туда, куда пожелаешь. Сам по себе.

— Кроме того, если ты рассчитываешь на переговоры, — продолжил У Ду, — то это невозможно. Ибо это твой долг, а не условие для торга.

Чан Люцзюнь посмотрел на свой меч, лежащий на столе.

Иероглифы, вырезанные на нем старым мелким шрифтом, гласили: «Белая радуга пронзает

солнце».

Чжуань Чжу убил царя Ляо, — комета пронеслась над луной;

Не Чжэн поразил Хань Куя, — белая радуга рассекла солнце;

Яо Ли сразил Цин Цзи, — ястреб вонзился в чертоги;

Юй Жан мстил Чжао Сян-цзы, — черный клинок пронзил снег;

Хо Ин похитил тигровый знак — оделся в пурпурный плащ с золоченым поясом.

Цзин Кэ убил императора Цинь — вспыхнул пылающий свет**.

* В китайской истории существовало что-то вроде «четырёх великих убийц», но их было пять: Чжуань Чжу, Не Чжэн, Яо Ли, Юй Жан, Цзин Кэ.

* Как следует из «Исторических записок» Сыма Цяня, Цзин Кэ покушался на будущего императора Цинь - Цинь Шихуанди, однако нападение было неудачным, а потом Цзин Кэ вообще казнили.

У каждого из четырёх великих убийц был меч, чье имя восходило к подвигам, обессмертившим их предшественников. Меч Чан Люцзюня звался Байхунцзянь — в память о том, как Не Чжэн поразил Хань Куя. Когда он покидал ножны, его острие сияло подобно белой радуге, пронзающей солнце.

Цинфэнцзянь Лан Цзюнься отсылал к Юй Жану, что, затаившись под снежным мостом, напал на Чжао Сян-цзы. Удар его меча рассекал даже снежинки в воздухе.

Цзядяньцзиньман Чжэн Яня воспевал Хоу Ина — того, кто в пурпурном плаще с золоченым поясом в одиночку вырезал сотню стражей ради тигрового знака. Легенда гласит: когда он предстал перед наложницей царя Вэй, его статная фигура и безупречный вид заставили ее вручить реликвию без единой капли крови на его одеждах.

А Легуанцзянь У Ду был подобен блику, что мелькнул в глазах бессмертного императора в миг, когда из свитка выпал кинжал.

— У меня нет никаких условий, — сказал Чан Люцзюнь. — Только одна просьба. Только одна.

Он посмотрел на Дуань Лина с мольбой в глазах и продолжил:

— Пообещайте мне это, и тогда можете просить меня сделать для вас все, что угодно. Вы спасли жизнь Его Величеству, поэтому я уверен, что он вас послушает.

— Продолжай, — произнес Дуань Лин.

— Пощадите жизнь Му Цину, — сказал Чан Люцзюнь. — Когда обо всем станет известно, вся семья канцлера Му будет казнена, а его имущество конфисковано. Позвольте мне забрать Му Цина с собой. А если это невозможно, то убейте меня и оставьте его в живых.

Дуань Лин потрясенно замолчал.

Он думал, что Чан Люцзюнь будет пытаться как-то избежать наказания. Он и представить себе не мог, что Чан Люцзюнь будет просить пощады для Му Цина.

— Вы двое всегда ладили друг с другом. Знаю, вы несерьезно относитесь к его дружбе — вы никогда не были верны канцлеру Му, с самого начала. Мне показалось, что в этом есть нечто странное. С чего бы вам так сближаться с Его Величеством?

— Чего канцлер Му мог дать вам меньше, чем Его Величество? На самом деле он даже мог предоставить вам больше. Предать канцлера Му вам просто невыгодно. Но позже я понял: возможно, вы изначально были подсланы императором. И обвели вокруг пальца всех — и Чан Пина, и самого канцлера. Я понятия не имею, кто вы, и вы не обязаны мне рассказывать...

—...Я знаю, что вы не считаете Му Цина родственной душой. Вы даже не считаете его другом, но он думает о вас как о старшем брате. Из всех в поместье канцлера он больше всего прислушивается к вашим словам, и ему больше всего нравится быть рядом с вами. Учитель, раз уж этот ребенок так доверяет вам, пожалуйста, попросите Его Величество пощадить его жизнь.

— Все не так просто, — Дуань Лин знал, что Чан Люцзюнь близок с Му Цином, но не думал, что настолько. До той степени, что тот был готов пожертвовать собой в обмен на жизнь этого юноши.

— Скажем так, — серьезно произнес Дуань Лин, — я уверен, что ты можешь прикинуть результат. Даже если Его Величество пощадит Му Цина, как только канцлер Му умрет, Му Цин — его единственный сын, разве это не означает...

Дуань Лин сделал паузу, когда ему в голову пришла неожиданная мысль, и, поколебавшись, с недоверчивым выражением лица повернулся к Чан Люцзюню.

— Не может быть... — Дуань Лин был ошеломлен.

Чан Люцзюнь не отвечал ему — его взгляд был направлен на меч.

— В тот год, когда я попал в Сычуань, мне только исполнилось пятнадцать лет, — произнес Чан Люцзюнь. — Я отправился в Сычуань, потому что так велела моя учительница, но была и другая причина. Я кое-кого искал.

У Ду тоже удивился.

— Чан Люцзюнь, откуда ты родом?

— Я из Банани. До начала обучения моя фамилия была Сунь, а звали меня Сунь Цичжао. Мои предки происходили из клана Сунь в Сычуани, рода ученых. После того как наши владения захватил император Чэн-цзу Юй*, наши люди разбрелись по всей Банани. Во времена императора Сяо наш клан на одном из гражданских экзаменов произвел на свет Чжуаньюаня*, который в итоге на долгие годы стал чиновником. Когда мой дед оказался замешан в деле о коррупции на экзамене, весь мой клан был сослан. Меня, еще ребенка, забрала госпожа Гунсунь, и я стал учеником Зала Белого Тигра*.

* Чэн-цзу — титул, который дается первому императору династии, но Ли Чэнцин на самом деле был вторым императором Юй. Однако третий император династии Мин Чжу-ди также носил титул Чэн-цзу. Все очень сложно.

* Первое место на дворцовом экзамене.

* Это отсылка к Орлиному стражу (другая новелла Фэйтяня); в период правления Ли Цинчэна во время династии Юй семья Сунь была самой богатой купеческой семьей в Сычуани. Вторая дочь семьи вышла замуж за императора Ли Цинчэна, и их единственный сын стал наследным принцем, так что на деле семья Сунь — родственники семьи Ли.

— В юности моя мать и госпожа Чжао из клана торговцев солью Динчжоу были близки как сестры и пообещали друг другу поженить своих детей. Когда мой дед совершил преступление, Чжао, конечно же, опасаясь быть замешанными, больше не упоминали об этом. Три года спустя Му Куанда отправился из Пинъи, что в Сычуани, на специальные экзамены в Шанцзы. Проезжая через владения Чжао, он остановился у них, познакомился с девушкой и снискал благосклонность ее отца. Так ее выдали за него.

Дуань Лину было известно обо всем, что произошло потом... но он и представить себе не мог, что в истории Чан Люцзюня было так много тайн!

— Значит, она была матерью Му Цина, — дрожащим голосом произнес Дуань Лин.

Чан Люцзюнь кивнул.

— Все, чего хотел Му Куанда, — это поддержки ее семьи, после свадьбы Му Цзиньчжи ее невлюбила и постоянно придиралась к ней, так что дни в поместье Му проходили довольно

безрадостно. Когда я поступил на службу к канцлеру Му, я закрывал лицо, как велела госпожа. За эти годы почти все, кто видел мое лицо, пали от моего меча.

— Но она узнала меня. Все из-за шрама на виске — след того дня, когда в четыре года она толкнула меня, и я упал. Спустя годы она опознала меня по этой метке. Лишь намного позже она призналась в этом... Я едва сдержал порыв увезти ее прочь. Но род Му был всемогущ, а я связан клятвой перед Белым Тигром. Как мог я бросить всё и бежать?

— Вскоре после рождения Цин-эра она тяжело заболела. Я уехал по делам и не успел вернуться, чтобы в последний раз увидеть ее.

— Му Цин — твой сын? — голос Дуань Лина дрожал.

Чан Люцзюнь не ответил ему. Он посмотрел в сторону, и под маской, которой он снова закрыл лицо, его глаза сузились, словно он улыбался.

— Во всяком случае, вам двоим я все рассказал, — Чан Люцзюнь встал. — Неважно. Все эти годы мне хотелось выговориться, но я не решался никому рассказать, да и не мог этого сделать.

Дуань Лин не спрашивал, почему Чан Люцзюнь сейчас не уйдет и не заберет Му Цина с собой. Если Ли Яньцю впадет в ярость, то даже если они убегут на край земли, он их отыщет. Он не хотел скрываться со своим единственным ребенком и жить подобно беглецам.

— Поэтому я не хотел вас убивать, — сказал Чан Люцзюнь. — Лишь пытался вывести из игры. Ведь Цин-эр вас любит. Убей я вас — он, узнав, сгинет от горя. Я был глуп, слишком поздно прозрел. С тех пор, как вы сами вызвались стать губернатором Хэбэя, следовало понять: вы никогда не были человеком канцлера Му.

Дуань Лина захлестнула волна эмоций, и на мгновение он даже подумал о том, чтобы сказать ему правду. Но голова У Ду окончательно прояснилась после всех этих шокирующих новостей, и он произнес:

— Давай пока на этом закончим. Нам нужно все хорошенько обдумать. Обсудим это позже.

Чан Люцзюнь кивнул. Уже рассвело, и Дуань Лин, полностью измотанный за эту ночь, вернулся в комнату и рухнул на постель, но в голове у него был лишь полный хаос.

— Проклятье, — произнес У Ду, все еще полный изумления. — Этот парень, Чан Люцзюнь, действительно заимел сына? Ему не занимать смелости!

Дуань Лин беспомощно ответил:

— Ты тоже хочешь?

— Мне и тебя хватает, — на лице У Ду отразился страх. — Если бы я еще и сына воспитывал — совсем бы с ума сошел.

Что им делать? Поверить ему? Конечно, Дуань Лин не мог вот так просто поверить во все, что сказал ему Чан Люцзюнь, он должен был сначала тщательно изучить его утверждения. Ведь если это все ловушка Му Куанда, Дуань Лин может просто умереть во сне, даже не узнав, что произошло.

Но если то, что рассказал Чан Люцзюнь, правда, тогда его преданность вполне объяснима. Может, сначала он и остался, потому что Му Куанда относился к нему как к почетному гостю, но после рождения Му Цина он бы и не подумал уходить.

Вспоминая прошлое, Дуань Лин осознал, что Чан Люцзюнь большую часть времени проводил с Му Цином. Когда ему ничего не поручали, они всегда были вместе. И он всегда выполнял все его просьбы — никогда не отказывал. Когда они были вместе, Чан Люцзюнь словно становился совершенно другим человеком: вся его убийственная аура скрывалась, и от нее не оставалось и следа.

То, что Чан Люцзюнь запаниковал в ночь похищения Му Цина, тоже можно было объяснить.

После долгих раздумий Дуань Лин решил сначала удостовериться в правдивости рассказа Чан Люцзюня о его семье, прежде чем решать, что делать дальше. Он больше не хотел убивать его. Он должен был признать, что эта мольба о пощаде оказалась чрезвычайно действенной.

— Сколько лет Чан Люцзюню? — спросил У Ду Дуань Лин.

— Ему уже тридцать с небольшим. С маской на лице трудно сказать, сколько ему лет.

Прошло столько времени. Дуань Лин представил, какими юными были убийцы, когда пал Шанцзы и каждый из них покинул свою школу на вершине горы. Время летело стрелой, и годы проносились так же быстро, как челнок через ткацкий станок. В мгновение ока минуло более десяти лет.

Проснувшись на следующий день, Дуань Лин вышел на улицу и увидел, что почти все уже ушли.

У Ду приклеивал листы с дистихами к двери снаружи, а Чан Люцзюнь наблюдал за ним неподалеку. Он уже переоделся: теперь на нем не было одежды убийцы, маска тоже была снята, так что он выглядел как обычный здешний солдат. Увидев Дуань Лина, он немного смутился и кивнул ему в знак приветствия.

— Ты хорошо спал прошлой ночью? — спросил Дуань Лин.

— Достаточно хорошо, — ответил Чан Люцзюнь. — Я просто немного волнуюсь.

Дуань Лин сказал:

— Ничего страшного не случится. Я сегодня же напишу письмо в Цзянчжоу.

У Ду взглянул на Дуань Лина и произнес:

— Я закончил. Посмотри.

— Неплохо, — одобрил Дуань Лин, посмотрев со стороны.

У Ду дал Чан Люцзюню другой вид яда. В отличие от яда, лишившего Лан Цзюнься способности сражаться, Чан Люцзюню нужно было давать противоядие первого и пятнадцатого числа каждого месяца, чтобы он остался жив.

Дуань Лин написал письмо и отправил его гонцом в Цзянчжоу с просьбой к Ли Яньцю проверить факты из рассказа Чан Люцзюня. Он уже пришел к выводу, что Му Цин действительно не походил на Му Куанду, да и внешне он не очень-то смахивал на него. К сожалению, несмотря на то, что Му Куанда изо всех сил пытался завладеть империей семьи Ли, его собственный задний двор был захвачен, когда он оставил его без присмотра. Какая ирония судьбы.

Наверное, по неумолимым законам вселенной за каждый плохой поступок приходится расплачиваться. Такова судьба.

После ночи наступил первый день Праздника весны. Чан Люцзюнь находился в сторожке и пил со охранниками, а Дуань Лин вместе с У Ду надели парадную одежду, чтобы выразить почтение Ли Цзяньхуну и Дуань Сяовань, а также учителю У Ду и его жене.

Именно в этот момент Дуань Лин почувствовал, что они с У Ду женаты — они не кланялись небу и земле во время брачных обрядов, не кланялись и родителям, но еще до того, как он осознал это, они стали поддерживающей друг друга семьей.

— Не хотите ли сначала поесть, мой господин? — спросил Дуань Лин.

Обычно готовкой занимался У Ду, но сегодня он выглядел немного рассеянным, предаваясь воспоминаниям о Зале Белого Тигра, так что теперь настала очередь Дуань Лина позаботиться о нем.

— Любая еда сойдет. Принеси несколько кайкоуся*. Их приготовили только сегодня утром.

* Жареные пышки с кунжутом.

Дуань Лин отправился на кухню за закусками, отдал несколько штук стражникам, а когда вернулся в главный зал, то некоторое время тихо разговаривал с У Ду. Они обсуждали минувший год — У Ду пришлось облачаться в доспехи и вести армию, доставать меч, убивать и отравлять, носиться по всей округе в попытке заработать деньги, а вернувшись домой, мыть руки и готовить ужин. А Дуань Лину оставалось лишь стоять рядом и спрашивать, что же им делать. Подумав об этом, Дуань Лин даже посчитал это забавным.

Неудивительно, что все стремятся вступить в брак. Когда женишься, кажется, будто в жизни появилась опора.

Дуань Лин поднял кувшин и сказал У Ду:

— Я пью за вас, мой господин. Спасибо за все ваши труды.

У Ду с интересом наблюдал за Дуань Лином и поднял бровь.

— Как бы мне ни приходилось трудиться, если это ради тебя, то оно того стоит.

Они подняли тосты друг за друга, осушив свои чаши. Всю ночь они почти не касались тягостных тем, лишь вспоминали прошлое. К концу вечера У Ду слегка захмелел и, поднявшись, стал танцевать с Дуань Лином согдийский вихрь. Высокий и статный, он грациозно шагал с развевающимися полами халата, представляя величественное и невероятно красивое зрелище.

Позже У Ду, за спиной держа золотой меч хана Хубилая, продемонстрировал технику вращательного клинка, а Дуань Лин подыгрывал ему, подражая при помощи Легуанцзяня. Наконец У Ду притянул его к себе, и ночь закончилась под звуки их смеха.

***

Цзянчжоу, канун Нового года.

Как и во все предыдущие годы, в поместье Му устроили новогодний банкет, но в этот раз на нем присутствовало на два человека меньше.

Один из них — Чан Пин, а другой — Чан Люцзюнь.

Присутствующие на застолье предполагали, что канцлер Му опять что-то задумал. Всякий раз, когда Чан Пина не было рядом с ним, при императорском дворе происходили те или иные события.

Но Му Куанда, как обычно, выглядел совершенно невозмутимым, тепло и радушно беседуя с гостями. Единственное, что можно было заметить, — это едва уловимый налет исхудалости в его чертах. Один из двух его учеников Ван Шань находился в Хэбэе, поэтому только Хуан Цзянь присутствовал на банкете и нанес свой новогодний визит Му Куанде, темой их разговора стало не что иное, как достижения Ван Шаня в Хэбэе.

Му Куанда явно был доволен тем, что рассказывал ему Хуан Цзянь, и постоянно кивал в такт его словам.

— Весной двор назначит эмиссара по соляным делам, — сказал Му Куанда. — Ты не должен отставать от Ван Шаня.

— Да, — ответил Хуан Цзянь, а затем повернулся к Му Цину, располагавшемуся на соседнем сиденье, — ты тоже не переутомляйся.

— Не буду, — произнес Му Цин. — Я часто сплю, а пишу не так уж и много.

В толпе воцарилось неловкое молчание, а Му Цин громко засмеялся. После дворцового экзамена он поступил на работу в отдел документации и теперь помогал великим ученым мужам составлять исторические хроники. Читал он много, а вот писал мало.

— Не забудьте потом сходить во дворец, — сказал Му Куанда. — В этом году там будет только семейный банкет. Интересно, как поживает Его Величество.

Хуан Цзянь кивнул.

— Его Величество сказал, что нет необходимости в излишествах. В конце концов, неплохо провести год в тишине и покое.

В середине их разговора вдруг объявили, что пожаловал новый гость.

— Его Высочество наследный принц прибыл с визитом...

Представители клана Му быстро встали со своих мест, а женщины за ширмами вышли из комнаты. У Му Куанды было много двоюродных и более дальних родственников, служащими придворными чиновниками, и когда они услышали, что прибыл наследный принц, то приготовились кланяться.

Цай Янь уже был здесь и выглядел как всегда приветливо. Как и у Му Куанды, в его чертах мелькал почти неуловимый оттенок истощенности. Первое, что он произнес, когда вошел, — «Прошу всех встать».

Все встали только тогда, когда услышали слова Цай Яня, но, вернувшись на свои места, не смели прикасаться к палочкам.

— Айо, — с улыбкой произнес Цай Янь. — Похоже, я наконец-то отыскал компанию. Идемте, Фэн До, Улохоу Му, выпьем по несколько чашек вина.

Фэн До и Лан Цзюнься последовали за Цай Янем, и Фэн До сказал:

— Из всех домов, которые Его Высочество посетил сегодня, поместье канцлера самое оживленное.

— О, вы мне льстите, — поспешно ответил Му Куанда. — Сюда, пожалуйста, Ваше Высочество.

Му Куанда повел Цай Яня к почетному месту, а Фэн До ненадолго отлучился, чтобы забрать список наград. Все присутствующие в соответствии со своим должным рангом получили положенные подарки.

— Этот Новый год лучше прошлого, — воскликнул Цай Ян.

Тот, кто больше всех работал в прошедшем году, несомненно, был Му Куанда. Иногда даже Цай Яню приходилось перекраивать для него бюрократические процедуры — когда тот отправлял свои меморандумы в канцелярию, часто именно Цай Янь в итоге их читал, так что в результате они сработались довольно славно.

— Благодаря Вашему Высочеству и Его Величеству, — произнес Му Куанда, — каждый год, несомненно, будет лучше предыдущего.

При императорском дворе было хорошо известно, что с Цай Янем легко было найти общий язык, и он никогда не церемонился. Он поднял первую чашу за гостей, и все присутствующие на банкете согласно поклонились, а Фэн До подал ему ужин.

— Почему я не вижу Чан Пина и Чан Люцзюня? — удивился Цай Янь.

— Чан Пин уехал домой навестить семью, — объяснил Му Куанда. — А Чан Люцзюнь отправился на север искать Чжэньшаньхэ.

Цай Янь кивнул и сказал Му Цину:

— Неудивительно, что ты больше не бегаешь постоянно домой.

Му Цин произнес:

— Я с радостью изучаю и пишу историю ради Вашего Высочества.

Цай Янь долго размышлял в тишине, а затем спросил:

— Есть ли какие-нибудь признаки местонахождения Чжэньшаньхэ?

Му Куанда как раз собирался ответить, когда раздалось еще одно объявление о прибытии гостя, и он замер.

— Его Величество здесь.

Все в поместье Му вздрогнули от этой вести; Цай Янь на мгновение растерялся, прежде чем перевел взгляд на Фэн До, но тот был не менее озадачен.

Как правило, если наследный принц уже посетил дом, то это было равносильно визиту Ли Яньцю. Кроме того, с момента переноса столицы император не бывал в гостях у крупных чиновников, но теперь, вопреки всеобщим ожиданиям, он прибыл лично! Да еще и на Новый год!? Что это могло значить?

Му Куанда единственный знал, что это значит. Его приезд в такое время означал только то, что он пришел объявить войну или заключить перемирие. А перемирие могло быть лишь отсрочкой, чтобы выиграть время для обеих сторон. Ли Яньцю в данный момент не мог убить его, и он тоже не мог убить Ли Яньцю. Каждый из них прятал в рукаве секретное оружие.

Ли Яньцю скрывал покушение Му Куанды на свою жизнь, а Му Куанда — личность самозваного наследного принца. Сначала пропал Чан Пин, затем Чан Люцзюнь; если они оба попали в руки Ли Яньцю, это сулило для Му Куанды неприятности.

Все встали со своих мест, чтобы поприветствовать императора. Позади Ли Яньцю шел единственный сопровождающий — Чжэн Янь.

— Я вышел ненадолго прогуляться, — произнес Ли Яньцю. — Просто подумал о том, как усердно вы работали в этом году, канцлер Му, вот и заглянул в гости.

Му Куанда во главе всей своей семьи поклонился и поблагодарил Его Величество за милость.

Ли Яньцю кивнул Цай Яню, и тот улыбнулся.

— Дядя, а ты разве не ложишься спать?

— Я действительно немного поспал, — объяснил Ли Яньцю. — Но когда я проснулся, мне сказали, что ты покинул дворец. Внезапно мне захотелось прогуляться, вот и вышел посмотреть. Я подумал, что ты, наверное, в поместье канцлера Му и решил заглянуть, прежде чем вернуться обратно.

Му Куанда пригласил Ли Яньцю присесть. Когда он расположился, Цай Янь пересел на другое место, чтобы наливать вино и накладывать еду в его миску. За столом Му Куанда, как обычно, беседовал с ним с улыбкой — о приближении праздников, пожеланиях обильных урожаев и процветания государству в новом году.

Ли Яньцю между делом назвал несколько имен — это были дяди и братья Му Куанды, сидевшие за главным столом. Услышавшие свои имена замерли в трепете. Все они занимали невысокие, но влиятельные должности в Министерстве доходов и Министерстве работ — Му Куанда посадил их в основном на невысокие, но важные посты, и каждый из них брал взятки. Неизвестно, сколько денег присвоил каждый из них.

Ли Яньцю каким-то образом знал их имена, а Му Куанда понимал, что это было намеком на скорое истребление его семьи и конфискацию имущества. Но ни правитель, ни чиновник ни на мгновение не забывали о своих манерах: они общались так же гармонично, как и всегда. Ли Яньцю даже похвалил Му Цина.

Тот, однако, не понимал, что происходит. Он улыбнулся Ли Яньцю и сказал:

— А Ван Шаня здесь нет. Интересно, как он проводит Новый год в Хэбэе.

— Ван Шань, — Ли Яньцю медленно кивнул и произнес. — Я слышал от императрицы, что вы двое — хорошие друзья.

— Эх, — вздохнул Му Цин, покачав головой. — Теперь, когда он уехал в Хэбэй, я по нему скучаю.

Лицо Цай Яня слегка дрогнуло, будто бы от смущения. Ли Яньцю на мгновение задумался, а затем сказал:

— Веселитесь все. А я пойду обратно.

Му Куанда поспешно встал и взял плащ из рук Чжэн Яня, чтобы помочь Ли Яньцю надеть его. Затем он забрал у слуги фонарь и пошел впереди Ли Яньцю, почтительно провожая его из усадьбы.

На улице его не ждала ни одна карета, и Му Куанду это весьма удивило.

Сегодня был канун Нового года, и улица была совершенно пуста, ни души. На каждой двери висели фейерверки, которые будут зажжены утром для встречи нового года. Чжэн Янь не отставал от Му Куанды и Ли Яньцю, идя не слишком медленно, но и не слишком быстро.

Казалось, Ли Яньцю пришёл сюда именно для того, чтобы пройтись по этому участку дороги вместе с Му Куандой.

— Прошло уже девятнадцать лет с тех пор, как ты стал чиновником Великой Чэнь, — произнес Ли Яньцю.

— Скоро будет двадцатый год, Ваше Величество.

— Я до сих пор помню, как впервые увидел тебя, когда мне было десять лет. Это было на дворцовом экзамене.

Му Куанда утвердительно ответил. Хотя ему было уже почти пятьдесят, его шаги все еще были уверенны и тверды, когда он протягивал фонарь перед Ли Яньцю.

— Когда Ван Шань сдавал дворцовый экзамен, я не мог не подумать о тебе.

Му Куанда слабо улыбнулся и ответил:

— Я до сих пор помню тот дворцовый экзамен. Ваше Величество подглядывали из зала, и генералу Хань пришлось уговаривать вас уйти.

— В тот день Цзяньхун солгал мне. Он сказал, чтобы я ждал его в императорском саду, но потом сам ушел на охоту. Это ты поговорил со мной после дворцового экзамена и пообещал сводить в интересное место за пределами дворца.

События, произошедшие двадцать лет назад, снова всплыли в памяти. После того как имя Чжуаньюаня было занесено в почетный список и он поблагодарил Его Величество за милость, на полгода он также стал учителем Ли Яньцю. Ли Цзяньхун проводил большую часть своей юности вдали от столицы, участвуя в военных походах, поэтому между ними не возникло особой близости. Му Куанда, три года прослуживший за пределами столицы, по возвращении поступил на государственную службу.

Тот дворцовый экзамен состоялся в первый же год переноса столицы в Сычуань, после падения Шанцзы.

В темном переулке единственным светом был фонарь в руках Му Куанды, освещающий небольшой участок дороги перед ними.

После политическая ситуация постепенно стабилизировалась, и Му Куанда женил его на своей сестре Му Цзиньчжи, образовав с семьей Ли единый нерушимый союз.

— В последние годы жизни моего отца, — неторопливо добавил Ли Яньцю, — если бы не твоя твердость в управлении делами и умение сдерживать Чжао Куя, вряд ли все закончилось бы благополучно.

— Это все потому, что Ваше Величество в те годы усердно занимались государственными делами, — почтительно ответил Му Куанда. — Я просто выполнял свою работу.

Все эти годы старый император был прикован к постели, а его нрав был вспыльчив. Все идеи выдвигались Чжао Куем и Му Куандой, а решал их Ли Яньцю. В течение почти десяти лет Ли Яньцю не оставалось ничего другого, как опираться на силу Му Куанды в противостоянии Чжао Кую.

— Я до сих пор помню, — сказал Ли Яньцю и остановился. — В тот год, когда я услышал о мятеже Северного командования, меня словно молнией пронзило.

— Если подумать, то самым печальным был день, когда скончался покойный император.

— Если бы я не отпустил его в бой, он был бы жив и сегодня, а я бы скончался. Ах, неправильно. Вернее сказать «ушел из жизни»*.

* Для смерти императора, принца, высокопоставленного чиновника и ученого используются разные специальные слова. Для простолюдинов просто «умер» и т.д. Ли Яньцю намекнул, что знает, что Му Куанда пытался убить его, когда тот уже стал императором.

Му Куанда растерялся, и, когда он уже собирался сказать что-то в утешение, Ли Яньцю с улыбкой обратился к нему.

— Если бы Цзяньхун был жив, кто знает, может, обстоятельства вокруг нас были бы совсем иными.

Му Куанда на мгновение застыл, не зная, что ответить. Он, конечно, понимал, что имел в виду Ли Яньцю — тот уже догадался, что именно он убил Ли Цзяньхуна. Из всех ошибок, которые он мог совершить, ему не следовало пытаться лишить Ли Яньцю жизни. Он слишком уверовал в Чан Люцзюня, У Ду и Ван Шаня.

— Ступай домой, — сказал Ли Яньцю, — возвращайся и наслаждайся Праздником весны.

Му Куанда мог только ответить:

— Благодарю Ваше Величество за милость.

— Я сегодня немного устал, — добавил Ли Яньцю. — После Праздника середины осени выпьем с тобой вина и поговорим по душам.

Му Куанда проводил Ли Яньцю к переулку, размышляя над этими словами. Сразу за ним стояли две лошади, и Ли Яньцю забрался на одну из них первым, прежде чем Чжэн Янь тоже сел на коня и отправился вдогонку за ним.

Му Куанда смотрел вдаль, провожая взглядом удаляющегося Ли Яньцю, и долго размышлял. Наконец, повернувшись, он неровной походкой зашагал прочь.

***

В Е в канун Нового года выпал снег, предвещающий наступление очередного урожайного года. В первый день праздника Дуань Лин обвился вокруг У Ду, прижавшись к его груди. У Ду прошлой ночью напился, и его храп разбудил Дуань Лина. Тот, зевая, поднялся.

Храп У Ду стих, и вскоре он сам с трудом проснулся.

— Оденься потеплее! — нахмурился У Ду. Он проследил за тем, чтобы Дуань Лин накинул плотную одежду, а затем схватил его, когда тот попытался выбраться за дверь, чтобы умыться и почистить зубы, и только потом разрешил выйти.

Перед входом Дуань Лин и У Ду запустили новогодние хлопушки. Яркое солнце заливало двор, а дети, ждавшие с утра, толпой вошли, чтобы поклониться им в ноги. Дуань Лин с улыбкой раздавал каждому красные конверты с деньгами, а У Ду, восседая в главном зале, степенно пил чай. На нем был черный парчовый халат с золотой вышивкой Циляня по подолу, нефритовый пояс и сапоги — весь его вид излучал достоинство хозяина дома.

Праздничная суета Нового года длилась целый день: дети военных приходили за подарками, жены чиновников приносили поздравления, и резиденция губернатора гудела как улей. Позже вернулся Фэй Хундэ, и Дуань Лин, почтительно встретив его как старшего, подал ему чай, поздравляя с Новым годом.

Сунь Тин стал исполняющим обязанности главы стражи Хэцзяня, и порядок окончательно восстановился. Наконец, Шулюй Жуй подошел совершить поклон Дуань Лину, и только после этого день завершился. Уже наступили сумерки.

Третьего числа первого месяца начнется осуществление масштабной весенней реформы, так что у них было еще уйма времени. Но сегодня Дуань Лин закрыл двери и позвал Чан Люцзюня, чтобы тот рассказал, что именно планировал Му Куанда.

Раз уж он решил перейти на их сторону, ему придется доказать свою преданность. Дуань Лин попросил Чан Люцзюня передать ему все, что он знал о Му Куанде, и заставил поставить подпись с отпечатком ладони, прежде чем согласился принять его.

Но Чан Люцзюнь на самом деле знал о Му Куанде не так уж много. По крайней мере, он был не как Чан Пин, по сути управляющий всем имуществом Му Куанды.

— Кто вообще такой Чан Пин? — спросил Дуань Лин. — Когда он познакомился с канцлером Му?

— Я слышал, как они говорили об этом раньше, но только один или два раза. Чан Пин был сиротой, и его собирались продать в Ляо. В итоге его спасло вмешательство канцлера Му.

Когда Дуань Лин задумался об этом, ему показалось ужасно обидным, что такой находчивый человек, как он, погиб таким нелепым образом под мечом Лан Цзюнься. Каким бы мудрым человек ни был, от острого лезвия ему не уйти.

— У Му Куанды есть своя армия? — спросил Дуань Лин.

— Я правда не знаю, — повторил Чан Люцзюнь. — Это все, о чем я осведомлен. Чан Пин дважды в год, весной и осенью, покидал усадьбу по делам канцлера Му. Это я уже объяснял.

Официальной причиной отъездов Чан Пина был сбор податей для Му Куанды.

— Будь у него собственная армия, — сказал У Ду, — то он не стал бы использовать подчиненных Хань Вэйюна.

Использовать подчиненных Хань Вэйюна — наименее безопасный способ ведения дел, но, по правде говоря, и самый разумный. Ведь, кроме У Ду, никто в мире не смог понять, откуда взялись эти убийцы.

За всю свою жизнь Му Куанда совершил единственную ошибку — он доверился Дуань Лину.

— Дело в том, что все это время он был настороже по отношению ко мне, — произнес Чан Люцзюнь. — Единственный человек, которому он доверяет, — это Чан Пин.

Это очень опасно; Дуань Лина не покидало ощущение, что у Му Куанды наверняка был припрятан какой-то план на случай непредвиденных обстоятельств. Человек с такими амбициями должен быть соответствующим образом подготовлен. Он ни за что не стал бы совершать убийство в ситуации, когда у него не было никакого плана.

— Я предлагаю отправить Чан Люцзюня обратно к нему, — сказал Фэй Хундэ. — Во-первых, он

сможет использовать этот шанс, чтобы искупить свою вину, а во-вторых, он сможет расследовать дела Му Куанды.

— Нет, — на этот раз Дуань Лин покачал головой и сказал Фэй Хундэ. — Это не самое надежное решение. Му Куанда больше не доверяет ему.

— Он будет ему доверять. Если только у него будет веская причина.

— Нет. Ни за что, — сказал Дуань Лин. Уже не в первый раз он отвергал предложения Фэй Хундэ. — В этом деле нельзя рисковать.

— Я не позволю ему вернуться туда. И есть еще одна веская причина почему, — ответил Фэй Хундэ Дуань Лин. — Мастер Фэй, пожалуйста, доверьтесь мне. Если Чан Люцзюнь вернется к канцлеру Му, это поставит все под угрозу.

Дуань Лин знал, кем друг другу приходились Чан Люцзюнь и Му Цин, но не сказал об этом Фэй Хундэ. Он понимал: ради Му Цина Чан Люцзюнь был готов на что угодно. Если отпустить его сейчас, тот, поддавшись порыву, мог сбежать с Му Цином в неизвестном направлении.

Он прекрасно знал, что ощущал Чан Люцзюнь: то же самое чувствовал его собственный отец много лет назад. Порой он, видя улыбку Дуань Лина, вдруг говорил, что может бросить все и уехать с шумной центральной равнины туда, где их никто не найдет, чтобы спокойно доживать остаток дней.

У Фэй Хундэ не было ребенка, и он не мог понять такого образа мыслей.

Дуань Лин верил, что Чан Люцзюнь, должно быть, пришел к нему в надежде попытать удачи. С тех пор как покушение провалилось, юг расставил непроницаемую сеть, ожидая, когда Чан Люцзюнь вернется в Цзянчжоу. Единственная причина, по которой он пришел на переговоры в Е, заключалась в том, что ему некуда было бежать. Если бы переговоры сорвались, то следующим его шагом, несмотря ни на что, стало бы рискованное возвращение в Цзянчжоу и захват с собой Му Цина.

— В таком случае возвращаться к нему придется тебе, — сказал Фэй Хундэ.

Лицо У Ду омрачилось. Дуань Лин долго размышлял над этим, но не мог не признать, что Фэй Хундэ неизменно говорил простую истину.

— Вы совершенно правы, мастер Фэй. Я действительно планирую вернуться в Цзянчжоу, но сначала мне нужно решить, в каком направлении вести расследование.

Дуань Лин доверял Ли Яньцю, но не смел возлагать на него все свои надежды. Он уже пробовал безоговорочно довериться однажды, но, как ни крути, все равно чувствовал: человек

не в силах одолеть волю небес. Оказавшись в водовороте судьбы, он понимал — нужно действовать. Иначе позже, оглядываясь назад, он увидел бы лишь горькие сожаления.

— На этом все, — потянулся и зевнул Дуань Лин, приказав Чан Люцзюню идти отдыхать. — В ближайшие дни мне понадобится время для расследования, чтобы предотвратить любые возможные неприятности.

Дуань Лин не говорил о своих дальнейших планах, а У Ду не спрашивал его.

Весна на севере наступала довольно поздно, и на протяжении всего бесконечного первого месяца снег так и не растаял. Но как только подступило третье число, Дуань Лин отдал приказ о проведении новой политики, и прибыли посланные Яо Фу караваны, чтобы обменяться с Хэбэем тем, чего ему не хватало, а также привезли семена.

Тем временем У Ду во главе армии уничтожал все ближайшие укрепленные опорные пункты разбойников в горах. Раньше говорили, что бандиты в Хэбэе бесчинствуют, но теперь, похоже, их там стало не так уж и много. Большинство трудоспособных мужчин в расцвете сил орудовали в Хэцзяне, и почти всех их Цинь Лун забрал в прошлый раз, чтобы убить Ли Яньцю.

На этот раз Дуань Лин не стал наказывать их — в конце концов, от их крепостей осталось не так уж много, менее двух тысяч стариков, немощных, женщин и детей. Дуань Лин попросил У Ду вывести их всех из гор и поселить в Хэцзяне. Желающих жениться сватали, а те, кто не хотел жениться, жили сами по себе.

В день, когда растаял снег и поля начали готовить к весенней пахоте, с юга пришло письмо. Его доставил солдат Черных доспехов с собственноручно написанным посланием от Се Ю.

Дуань Лин не мог с уверенностью сказать, знал ли Се Ю, кто он такой; возможно, Ли Яньцю просто велел ему навести справки, но в одном он был уверен точно — Се Ю уже знал, что Ли Яньцю планировал разобраться с Му Куандой.

В письме содержался ответ на вопрос Дуань Лина о происхождении Чан Люцзюня. Се Ю использовал обширную сеть Черных доспехов, чтобы проверить его историю. Среди информации был список членов семьи Сунь каждого поколения, поэтому Дуань Лин позвал Чан Люцзюня, чтобы расспросить о них. Тот ответил на все его вопросы.

Он не мог их заранее изучить и все запомнить, ведь когда Му Куанда послал Чан Люцзюня совершить убийство, никто не мог предположить, что тот специально придет к Дуань Лину просить убежища.

Письмо Се Ю также подтвердило, что Му Куанда не имел никаких связей с семьей Сунь, которая когда-то жила в Сычуани, и никогда не посылал никого искать о них информацию. Таким образом, Дуань Лин наконец смог успокоиться и передал Чан Люцзюню противоядие.

— Когда мы возвращаемся? — Чан Люцзюнь уставился на флакон. — Пора отправляться в путь?

— Пока нет. Я просто даю тебе противоядие.

— Проснувшись без боевых искусств, я вдруг почувствовал себя так спокойно.

Хоть он так и говорил, Дуань Лин знал, что сердце Чан Люцзюня тянулось на юг.

— Будь терпелив, — сказал Дуань Лин. — Если решишься сбежать один, не вини меня во всем, что случится.

— Не буду, — поспешил ответить Чан Люцзюнь. Раз уж он поклялся в верности, то, естественно, не собирался менять своего решения. И все же Дуань Лин прекрасно понимал, что Чан Люцзюнь все еще более или менее тревожился о том, сможет ли Дуань Лин оправдать Му Цина, когда наступит время просить о снисхождении.

— Хватит уже болтать, — у У Ду словно мозоли на теле появились от всего этого ворчания Чан Люцзюня. — Почему ты такой болтливый?

Чан Люцзюнь неоднократно пытался заверить У Ду, что Ван Шань точно сможет спасти Му Цина и что Его Величество был очень высокого мнения о Ван Шане, потому что тот однажды спас ему жизнь... У Ду был уже крайне раздражен им.

Наступил новый год, и природа приняла новое обличье. Прошло пятнадцатое число первого месяца, а затем второе число второго. Третьего числа* на берегу толпа холостых мужчин Е искала себе пару, и каждый из них был до пояса раздет. Внезапно река наполнилась мускулистыми молодыми телами, и Дуань Лин едва сдерживался, чтобы не отвести взгляд.

* Праздник двойной тройки (三三三, также 三三三 шан сы цзе) — праздник, который отмечают в третий день третьего лунного месяца. Считается днем избавления от злых духов.

— На что тут смотреть?! — произнес У Ду. — Хватит таращиться.

У всех солдат была хорошо развита мускулатура, и Дуань Лин не мог удержаться, чтобы не бросить еще один-два взгляда, пока его верхом на лошади не увез У Ду.

— Уже третий месяц, — отмокая в горячем источнике, сказал Дуань Лин. — В Цзянчжоу пока ничего не происходит.

— Ты торопишься вернуться?

— Чан Люцзюнь торопится, — сказал Дуань Лин. — Кажется, ему трудно усидеть на месте.

— Ты должен довериться своему дяде.

Чувство тревоги в сердце Дуань Лина с каждым днем становилось все сильнее, как тогда, когда он ждал в Шанцзине все эти годы. Но с Чжэн Янем рядом с Ли Яньцю не должно случиться ничего плохого.

Но и тогда рядом с Ли Цзяньхуном был У Ду.

Дуань Лин постарался успокоиться. Он знал, что, несмотря ни на что, это был последний год, который они с У Ду проведут в Хэбэе.

***

В четвертом месяце с юга приходило множество новостей. Императорский двор повысил в должности целую плеяду молодых перспективных чиновников. Наступило время найма новых служащих, и, пока проходила аттестация, все провинции посылали в центральное правительство Цзянчжоу письма для оценки.

На полях пышно зеленела пшеница, и поднимался летний ветерок.

В разгар инспекции Линь Юньци за городом разыскивал Дуань Лина.

— Господин губернатор, вам необходимо отчитаться о проделанной работе. Сегодня прибыл посланник из столицы. Также все вопросы аттестации требуют вашего распоряжения.

Дуань Лин смахнул грязь с рук.

— Кто этот человек?

— Инспектор Трех провинций, господин Ван, — произнес Линь Юньци. — Он отвечает за Хэнань, Хэбэй и Шаньдун. У вас один и тот же учитель.

Дуань Лин немедленно вернулся в город и застал Хуан Цзяня в поместье, беседующего с Ши Ци и расспрашивающего его о городских финансах. Дуань Лин с радостным криком вбежал в комнату и заключил его в объятия.

— Как поживает наш учитель? — с улыбкой спросил Дуань Лин.

— Прошел почти месяц с нашей последней встречи, — Хуан Цзянь пригласил Дуань Лина

присесть и, не заботясь о формальностях, улыбнулся и налил ему чашку чая, совсем не считая себя гостем. — Все просили меня заехать к тебе на проверку.

Из всех, кто сдавал экзамен в том же году, Дуань Лин был единственным, кто не встретился с остальными — он ускакал занять должность, как только его нарекли Таньхуа. Теперь, когда он задумался об этом, он знал только тех нескольких выпускников, с которыми ел лапшу в тот вечер в Цзянчжоу, и решил немного поболтать с Хуан Цзянем.

— Его Величество продвинул много новичков, — сказал Хуан Цзянь. — Мы все подавали прошения о переводе тебя обратно в город. Говоря о тех, кто сдал экзамены в один и тот же год, у тебя самый выдающийся послужной список. Никто не сможет тебя превзойти.

Чан Люцзюнь остановился у двери. Дуань Лин услышал шум и понял, что он там. Нахмурившись, он ненадолго задумался, а затем спросил:

— Как там Му Цин?

— Как всегда, — засмеялся Хуан Цзянь. — Его наказывают переписыванием книг.

Дуань Лин, выслушав это, успокоился и поинтересовался делами при дворе. Он узнал, что в Министерства доходов, ритуалов и работ назначили множество новых чиновников. С момента прошлогодних дворцовых экзаменов незаметно пролетел целый год.

Этот год стал для новичков периодом знакомства с государственными делами, но настоящей службой это еще не считалось — лишь после трех лет работы в провинции их могли отозвать обратно в столицу.

По истечении трехлетнего срока службы за пределами столицы их снова вызывали ко двору, и только тогда можно было начинать карьеру чиновника. Иными словами, если бы Дуань Лин был обычным кандидатом на дворцовый экзамен, такой взлет был бы поистине немислимым: его отослали, как только он получил звание Таньхуа, в то время как другие начинали с поста магистрата шестого ранга или судьи. Дуань Лин был единственным, кого назначили на должность губернатора. Но ему дали должность в военное время, и он сделал то, на что не отважился никто другой, так что его положение было особенным.

Теперь же, после возвращения ко двору, его ждало лишь повышение. За всю историю династии Великой Чэнь таких везунчиков, взлетевших по карьерной лестнице с подобной скоростью, можно было пересчитать по пальцам. Последним был Му Куанда, достигший поста канцлера в возрасте тридцати восьми лет.

Он никогда не предполагал, что его сокурсники додумаются до совместного обращения к императорскому двору с просьбой подсобить ему и вызвать обратно в столицу. Как только он вернется, его сразу же повысят в должности; таким образом, еще до того, как Дуань Лину исполнится восемнадцать, он уже будет чиновником четвертого ранга.

Если семнадцатилетний получит такой ранг, императорские цензоры наверняка воскликнут, что это конец империи, которую они знали. Время от времени Дуань Лин задумывался о том, что если Хуан Цзянь однажды узнает, что его шиди вдруг оказался наследным принцем, то он действительно упадет в обморок от шока.

— Конечно, сейчас я не смею возвращаться, — сказал Дуань Лин. — В Хэбэе у меня почти нет достижений, о которых можно было бы рассказать.

— По милости Его Величества ты несколько раз всплывал в разговорах. В настоящее время в Хэбэе царит мир, нет разбойников, монголы не досаждают нам извне, и все это благодаря тебе. Просить тебя остаться в Е — пустая трата таланта... Комендант У, я рад вас видеть.

У Ду тоже вошел в комнату и кивнул Хуан Цзяню в знак приветствия.

Хуан Цзянь и Дуань Лин были учениками канцлера, поэтому, когда они были наедине, то были довольно сердечны друг с другом, но как только здесь оказался У Ду, он уже не был так радушен. Предположительно, ему еще до прихода сказали, что с этим парнем трудно иметь дело, поэтому Хуан Цзянь сменил тон и поклонился, сжав руку в кулак.

— По приказу Его Величества я прибыл для инспекции Хэбэя. Если мои действия окажутся неуместными, пожалуйста, отнеситесь с пониманием.

Закончив говорить, он достал из рукава свиток с императорским указом и произнес:

— Его Величество сказал мне, что вы двое должны открыть его лично, поэтому я не буду его оглашать.

Находиться в присутствии императорского указа — все равно, что находиться в присутствии Ли Яньцю, поэтому им обоим необходимо было поклониться. Но не успели они это сделать, как Хуан Цзянь уже произнес:

— Его Величество сказал мне, что кланяться не нужно.

Дуань Лин подумал, что его дядя и вправду мудр. Склониться перед императорским указом — куда ни шло, но преклонить колени перед Хуан Цзянем... Это будет неловко.

Глядя на выражение лица У Ду, Дуань Лин подумал, что тот собирался сказать: «по крайней мере, ты знаешь свое место», поэтому сразу же бросил на него взгляд, не давая ему это произнести. Он взял указ, развернул его и, внимательно прочитав, объявил:

— Он даровал тебе титул. За твои заслуги в изгнании монгольских варваров ты теперь являешься... младшим опекуном наследника.

— О, — произнес У Ду. — Я принимаю этот указ.

Теперь, когда У Ду действительно стал самым высокопоставленным чиновником в зале, Хуан Цзяню осталось лишь встать и вежливо поклониться ему. Дуань Лин не получил награды, да и Ли Яньцю знал, что он в ней не нуждался, поэтому его просто не упомянули.

— Что говорил Его Величество? — спросил Дуань Лин, в его голосе звучало легкое разочарование.

— Его Величество сказал, что ты должен хорошо управлять Хэбэем и помочь ему распространить императорскую благосклонность по всему миру.

Дуань Лин кивнул, понимая, что Ли Яньцю намекал на то, что время для его возвращения еще не пришло.

Вскоре Дуань Лин собрал подчиненных, чтобы те по очереди отчитались перед Хуан Цзянем. Он терпеливо, во всех деталях, объяснил ему новые законы, внедренные в управлении Хэбэем. На самом деле, как наследник престола, он мог бы отделаться парой фраз, даже если бы Хуан Цзянь позже донес на него за «высокомерие и произвол» — последствий бы все равно не последовало.

Но Дуань Лин от всего сердца уважал этого шисюна и хотел бы выслушать его предложения.

Конечно, когда Хуан Цзянь однажды узнает правду и вспомнит, что наследный принц когда-то отчитывался перед ним о своих обязанностях. Интересно, как он сможет все это осмыслить, подумал Дуань Лин.

Хуан Цзянь серьезно все выслушал, время от времени задавая вопросы. Доклад длился целых два дня и в конце концов подошел к концу, когда выяснились все мельчайшие подробности.

— Мне пора уходить, — на следующий день после обеда Хуан Цзянь забрал у Дуань Лина меморандум и, к его удивлению, не пожелал задерживаться ни на мгновение.

— Ты не собираешься остаться еще на несколько дней? — недоумевающе спросил Дуань Лин.

— Нет, если я уеду сейчас, то смогу добраться до Шаньдуна за семь дней.

Дуань Лин подготовил для Хуан Цзяня несколько местных деликатесов, но не стал предлагать золотые слитки, чтобы не испытывать его. Однако Хуан Цзянь отказался принимать подарки, заявив:

— Я слышал, ты хороший врач. Составь как-нибудь рецепт для твоей будущей невестки.

Дуань Лин улыбнулся.

— Вы уже помолвлены? Пойдем, я тебя провожу.

Дуань Лин довел Хуан Цзяня до самых ворот, и тот сказал:

— Через пять лет Хэбэй снова будет процветать. Пока не вернутся монголы, он будет таким же богатым, как Хуайин.

Дуань Лин сразу же отказался от этих добрых слов: Хуайин строился на протяжении трех поколений, как Е мог с ним сравниться? Он, по крайней мере, был достаточно умен, чтобы понять, что это лесть. Но Дуань Лин не стремился к гегемонии над регионом — он не был местным принцем или хоу. Он надеялся лишь на то, что, когда он вернется в Цзянчжоу, человек, присланный на его место, не окажется коррумпированным и не разрушит то, на что у него ушло столько сил.

— Он ничего не взял, — не мог не воскликнуть Дуань Лин, вернувшись в дом.

— Молодые люди все такие, — улыбнулся Фэй Хундэ. — Кто знает, может, когда ему перевалит за сорок, что-то изменится.

Мастер Фэй всегда говорит прямо, подумал Дуань Лин и не знал, как продолжить этот разговор.

У Ду ответил:

— Ты мог бы просто отослать его, сказав, что угодно. Зачем было продолжать?

— Нам нужно набрать больше войск и изменить налог на землю, — сказал Дуань Лин. — Лучше обсудить все в деталях.

Весна уже наступила, и Дуань Лин очень переживал по этому поводу. Ему хотелось останавливать каждого встречного и рассказывать о своих планах, как будто только получив одобрение этого человека, он мог почувствовать себя спокойно.

Во время весенней посадки он устроил шесть проверок за месяц, не успев построить алтарь, пройти обряды и лично попросить дождя. К счастью, небеса не пытались усложнить ему жизнь — какой дождь должен был пойти, такой и шел, и в начале лета не было ни засухи, ни наводнения. И вот теперь Дуань Лин стал беспокоиться о саранче.

— Саранча не появляется постоянно, — произнес У Ду. — Она бывает раз в семь-восемь лет, не больше. Почему ты так волнуешься?

Дуань Лин все время был на взводе. Когда шел дождь, он думал, когда же он прекратится, а когда дождя не было, он думал, когда же пойдет следующий. Только когда начали звенеть цикады, а на севере наступило лето, прошел уже почти год с тех пор, как он уехал из Цзянчжоу в Е, и ничто уже не могло пойти не так, он постепенно перестал волноваться.

Сегодня из Ляо прибыл гонец с вестями от Елюй Цзунчжэня.

— Как поживает ваш император? — спросил Дуань Лин.

В главном зале находились только Дуань Лин, Фэй Хундэ и У Ду. Утром было очень жарко, воздух был настолько раскален, что казался густым, не было даже намека на ветерок.

Гонец на киданьском сказал:

— Ваше Высочество, значение этой информации огромно. Пожалуйста, вскройте это письмо в одиночестве.

Фэй Хундэ собрался встать и уйти, как только это услышал, но Дуань Лин сказал ему, что ничего страшного не случится, если он останется. Фэй Хундэ и У Ду были единственными людьми, которым он мог доверять; может, Елюй Цзунчжэнь и велел ему открыть письмо одному, но он никогда не говорил, что читать его нужно в одиночку.

В главном зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуком открываемого Дуань Лином письма.

— Хань Вэйюн свергнут, — произнес Дуань Лин.

Посыльный достал книгу — это была история семьи Цай Яня. Он положил ее перед Дуань Лином.

— Что он обнаружил? — У Ду понимал, что там должно было быть нечто необычное, раз Елюй Цзунчжэнь дал такие указания.

— Письмо... — голос Дуань Лина дрожал. — Переписка между Хань Вэйюном и генералом Юйбигуань Хань Бинем.

И в главном зале вновь воцарилась гробовая тишина.

<http://bllate.org/book/15657/1400676>